

§11 ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Балаклеец Н. А.

ГЕШТАЛЬТ ПАРТИЗАНА КАК ТРАНСГРЕССИВНЫЙ ФЕНОМЕН: К ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ТЕОРИИ ПАРТИЗАНА КАРЛА ШМИТТА

Аннотация. Предметом исследования настоящей статьи является феномен партизана, представленный в работе К. Шмитта «Теория партизана». Гештальт партизана анализируется в контексте идей Э. Юнгера, Г. Мюнклера, И. Канта, Г. Гегеля, Ж. Батая, Ф. Ницше, В. Зомбарта и других авторов. Раскрываются основные социально-политические характеристики феномена партизана: иррегулярность, политическая вовлеченность, повышенная мобильность, теллурический характер. Автор эксплицирует эвристический потенциал шмиттовой концепции партизана в условиях деполитизации современного общества, стирания границ между состояниями войны и мира, нивелирования различий между регулярными и иррегулярными вооруженными формированиями. Наряду с общенаучными методами исследования в статье используются системный и антропологический подходы к анализу политических феноменов, а также принцип методологического холизма. Научная новизна исследования заключается в интерпретации гештальта партизана как трансгрессивного элемента социального пространства, существующего в семантическом поле между полюсами «комбатант» и «террорист», но полностью не сливающегося ни с одним из них. В авторской трактовке гештальт партизана представляет собой антидискурсивный элемент социального пространства, элемент сопротивления доминирующему дискурсу власти, следовательно, он представляет наибольшую угрозу унифицирующим механизмам осуществления власти в глобализирующемся мире.

Ключевые слова: партизан, гештальт, пространство, трансгрессия, государство, война, комбатант, *justus hostis*, власть, Карл Шмитт.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, в рамках проекта проведения научных исследований: «Комплексное исследование трансгрессии как сущностной характеристики современной социально-культурной реальности», проект № 15-33-01222.

Review. *The subject of the present study is the phenomenon of the partisan presented in Carl Schmitt's "Theory of the Partisan". The gestalt of the partisan is analysed in the context of the ideas of E. Junger, G. Münkler, I. Kant, G.W.F. Hegel, G. Bataille, F. Nietzsche, W. Sombart and others. The following major social and political characteristics of the partisan are disclosed: irregularity, political engagement, increased mobility, telluric character. The author explicates the heuristic potential of C. Schmitt's concept of the Partisan in conditions of depoliticisation of modern society, erasing borders between the conditions of war and peace, levelling the differences between regular and irregular armed groups. Along with the general scientific research methodology the author uses systems and anthropological approaches to the analysis of political phenomena, as well as the principle of methodological holism. The scientific novelty of the research lies in the interpretation of the Gestalt of the Partisan as a transgressive element of social space that exists in the semantic field between the poles of "combatant" and "terrorist", but does not merge completely with any of them. In the author's interpretation the Gestalt of the Partisan is treated as anti-discourse element of social space, an element of resistance to the dominant discourse of power, therefore, it represents the greatest threat to the unifying power mechanisms in the globalised world.*

Keywords: *justus hostis, combatant, war, state, transgression, space, Gestalt, partisan, power, Carl Schmitt.*

Начиная с 60-х годов XX-го века феномен партизана стал предметом рассмотрения целого ряда западногерманских теоретико-политических и социально-философских исследований, важнейшими из которых являются работы К. Шмитта, Р. Шрёера, Э. Юнгера, Г. Мюнклера [1-4]. Партизан начал рассматриваться не в конкретно-историческом смысле, но в политико-философском аспекте как специфический антропологический тип, сочетающий в себе черты целой совокупности отдельных конкретно-исторических феноменов (испанских герильеро, русских партизан времен Отечественной войны 1812 года, советских партизан, участников партизанских войн на Кубе и в Китае и др.). Появились исследования партизана как особого *гештальта* наряду с гештальтами рабочего, неизвестного солдата, бюргера (Э. Юнгер) [3; 5].

Следует отметить, что термин «гештальт», довольно глубоко укорененный в немецкой философской и теоретико-политической мысли, известен российским исследователям, прежде всего, как один из концептуальных элементов, входящих в арсенал гештальт-психологии. А между тем, альтернативное использование данного термина восходит еще к «Закату Европы» О. Шпенглера, где гештальт обозначает форму существования культуры: «Главное открытие, которое сделал Шпенглер как мыслитель, состояло в том, что он увидел: формы живут своей собственной жизнью» [6, с.263]. Применительно к антропологическим феноменам этот вывод может быть проинтерпретирован в том смысле, что они подчинены неким надындивидуальным формам существования, аналогичным архетипам коллективного бессознательного.

В трактовке Э. Юнгера концепт «гештальт» может быть применен для описания некой целостности, не сводимой к сумме составляющих ее частей. К примеру, общество есть нечто большее,

нежели простая совокупность составляющих его членов, человек не может быть сведен к сумме органов своего тела, а семья — не просто сумма родителей и детей. Таким образом, речь идет о структурах, обладающих интегральным единством и вовлеченных в разного рода отношения (столкновение, противоборство, господство, подчинение) с другими структурами — гештальтами [5, с.88]. Для Юнгера, как и для Шпенглера, характерным является понимание историчности гештальта, его соответствия уникальной исторической эпохе, его роли в созидании этой эпохи, а также творческого культуросозидающего начала. Для К. Шмитта также характерно мышление в категориях гештальта. Достаточно вспомнить знаменитую фразу из «Теории партизана»: «Враг — это вопрос о нас самих как гештальт» [1, с.131]. Использование данного термина в шмиттовой теории партизана отсылает к концепциям Шпенглера и Юнгера: обрести собственный гештальт, согласно Шмитту, означает одновременно обрести и собственные границы и собственную меру, то есть свою политическую идентичность.

Обратимся к характеристикам феномена партизана, представленным в концепции К. Шмитта. Немецкий политический мыслитель и теоретик права отмечает, что в классическом европейском военном праве для партизана нет места. Европейское международное право, регулирующее отношения между суверенными государствами как равноправными субъектами войны, исходит из четкого разделения войны и мира, регулярных и нерегулярных бойцов (комбатантов и некомбатантов), а также предполагает ведение войны против признанного противника, равного по статусу врага (*justus hostis*) [1, с.20-21], [7, с.242] в противоположность *hostis injustus*, непризанному, нелегитимному врагу. Иными словами, согласно нормам европейского международного права, действие которых Шмитт

датирует периодом с 1815 по 1914 год [7, с.240], ведение войны между государствами основывалось на взаимном признании противников, в противном случае война превращается в асимметричный вооруженный конфликт — карательную акцию или одностороннее наказание нарушителя правовых норм. Партизан не является регулярным бойцом, комбатантом, представляющим на войне государственную власть, а потому, исходя из норм классического международного права, не может быть признан «законным врагом». Именно поэтому Шмитт подчеркивает, что в соответствии с общим правом партизан является преступником [1, с.42]. Но причисление партизана к категории «незаконного врага» уравнивает его в статусе с такими трансгрессивными феноменами, как, к примеру, террорист, агрессор, дезертир или пират. Кант, впервые проблематизировавший в своей работе «Учение о праве» феномен «незаконного врага», относит к данной категории того, «чья публично (все равно, словом или поступком) выраженная воля выскажет максимум, согласно которой, если я сделаю ее всеобщим правилом, состояние мира между народами станет невозможным и навеки установится естественное состояние» [7, с.212]. Иными словами, согласно Канту, индивидуальная воля незаконного врага направлена на увековечение такого состояния общества, которое характеризуется отсутствием государственной власти и закона. Как видим, категория «незаконного врага» является в семантическом плане весьма размытой: к ней могут быть отнесены военные преступники, пираты, террористы, подрывающие своими действиями силу государственных законов, действующие вне рамок закона. Партизан не является «законным», «легитимным» врагом, против которого можно вести военные действия традиционными средствами, ему не может быть присвоен статус военнопленного, в отношении которого действует военное право. Таким образом, необходима более четкая дефиниция данного феномена и его демаркация от прочих «незаконных» врагов.

Важнейшим признаком партизана согласно Шмитту является *иррегулярность*. Партизан может быть противопоставлен регулярной армии по целому ряду характерных особенностей: противоположность армейской линейности, слабая представленность в публичном пространстве военных действий и связанное с пребыванием в этом пространстве «не-публичности» (К. Шмитт) отсутствие униформы и знаков отличия. Партизан осуществляет деконструкцию публичного пространства, открывая в его структуре новые глубины и измере-

ния. Иррегулярность партизана выражается и в его сопротивлении дисциплинарной системе организации регулярной армии (и в этом аспекте гештальт партизана может быть противопоставлен гештальту рабочего, исследованному Э. Юнгером). Именно в подчинении строгому рациональному порядку, «безжалостной дисциплине» и автоматизму механизующей власти и заключается, согласно Юнгеру, тотальная мобилизация, развертывающаяся в современном мире: «каждая отдельная жизнь все однозначнее становится жизнью рабочего и за войнами рыцарей, королей и бюргеров следуют войны рабочих, — войны, отличающиеся рациональной структурой и беспощадностью» [5, с.453]. Партизан как фигура сопротивления противостоит принципам тотальной дисциплины и регулярности. Эффективность боевых действий партизана обусловлена не его подчинением отношениям порядка и дисциплины, но, напротив, нарушением этого порядка, его трансгрессией. И в этом аспекте теории партизана Э. Юнгера и К. Шмитта могут быть противопоставлены ряду конкурирующих концепций (Э. Капп, Б. де Жувенель), отводящим регулярной армии особое место в системе институтов власти и рассматривающим ее как важнейшее средство усиления политического могущества государства [8, с.23]. В своей теории партизана Шмитт показывает, что иррегулярное и нелинейное может оказаться более эффективным в борьбе с регулярным, линейным, подчиненным строгой иерархии и дисциплине. Зачастую войска, организованные в соответствии с принципом регулярности, оказываются бессильными в борьбе с иррегулярными вооруженными силами. Достаточно вспомнить знаменитые слова Наполеона о том, что с партизаном следует бороться партизанскими методами [1, с.25].

Второй признак партизана, согласно Шмитту, — его *политическая вовлеченность*, и здесь проявляется отличие партизана от такого «незаконного врага», как пират. Пират — фигура неполитическая, он нацелен на личное обогащение. Партизан, напротив, демонстрирует тесную связь с политически ангажированной группой людей. Само слово партизан по своей семантике связано с «партией» (Шмитт в качестве синонима немецкого *Partisan* использует лексему *Parteigänger* — «тот, кто идет вместе с партией»). При этом «партия» понимается Шмиттом не в качестве отдельного, обособленного элемента полисоставного и полиперспективного политического пространства, конкурирующего с другими его элементами, но как «часть, которая отрицает у имеющегося учрежденного Целого характер целостности

и в качестве части встает над Целым, чтобы осуществить, так сказать, истинное или всеохватное Целое, грядущее, новое Целое, новое единство, *новое политическое единство*»^[1, с.169]. Таким образом, партизан в холистической трактовке Шмитта предстает не как единичный, конкретный человек, но как интегральное субстанциальное единство человека и социального целого. Тем самым в концепции немецкого мыслителя выявляется онтологическая недостаточность конкретного, единичного человека. Человек должен быть осмыслен лишь в единстве с высшим субстанциальным началом. И здесь рассуждения Шмитта логично вписываются в антиноминалистическую традицию немецкой философской и политической мысли, основы которой были заложены еще Гегелем, традицию, подчиняющую единичное общему, индивидуальное коллективному, человека государству. Война как особое состояние общества вызывает к жизни такие фигуры, которые, выражаясь гегелевской терминологией, «снимают» противоречие между общим и единичным: «отдельные лица жертвуют как чем-то суетным своим природным и обособленным наличным бытием»^[9, с.364]. Состояние войны, ведущейся между государствами (признанными, законными врагами), требует от каждого из участников военных действий отказа от индивидуальных притязаний в пользу достижения государственного блага. Весьма показательными в этом плане являются рассуждения В. Зомбарта, сетующего по поводу распространенности бритвенных станков в окопах Первой мировой войны: «Это печально — в гуще великих событий помышлять об удалении щетины со столь любимого подбородка»^[10, с.77].

Третьим признаком партизана в теории Шмитта является его повышенная *мобильность*, под которой понимается подвижность, быстрота и внезапная смена атаки и наступления. Данная характеристика усиливается в современном обществе в связи с интенсивным развитием и совершенствованием технических средств ведения войны. На наш взгляд, характеризуя партизана как мобильный феномен, Шмитт дает ответ на один из ключевых вопросов, порожденных теорией партизана: в силу каких причин технически менее совершенные элементы социального пространства, одним из воплощений которых и является гештальт партизана, способны оказать сопротивление технически более оснащенным элементам? Почему иррегулярные (и во многом архаичные) методы ведения войны партизана оказываются более эффективными, чем те методы, к которым прибегают регулярные вооруженные формирования? Именно в силу своей мобильности

партизан подчас оказывается в более выигрышной ситуации по сравнению с бойцами регулярной армии, оснащенными по последнему слову техники.

Четвертый признак партизана, согласно К. Шмитту, — его *теллурический характер*, связь с землей. Партизан органически связан с почвой, автохтонным населением и географическим своеобразием территории, будь то лесная или гористая местность, джунгли или пустыня. Данная характеристика — тесная связь с пространством — присутствует и в концепции партизана Э. Юнгера, использующего для обозначения партизана термин *Waldgänger* — «идуший в лес». При этом термин «лес» имеет не буквальное значение географического пространства, которое маскирует партизана, но понимается как очаг сопротивления действующему дисциплинаризирующему и унифицирующему механизму диктатуры: «Лес <...> есть всюду; он может быть также и в квартале крупного города»^[3]. Пространственно-временная оппозиция Юнгера «лес и корабль» может быть сопоставлена с категориальной дихотомией Шмитта «дом и корабль». Если для Юнгера пространство партизана неотрывно от хронологических характеристик («лес», в отличие от исторически преходящего «корабля», символизирует вечное бытие), то шмиттова оппозиция основана на разграничении технического и природного аспектов пространства. Строительство корабля предполагает технологическое отношение к пространству, которое подлежит завоеванию, покорению с помощью технических средств. Природное, земное пространство «дома» не нуждается в присвоении и сложной технической обработке, оно органически связано с такой теллурической фигурой, как партизан^[1, с.174–175].

Автохтонность партизана, его охранительная миссия нацелена на удержание родного пространства. В этой связи небезынтересной представляется аналогия Г. Мюнклера — уподобление партизана хамелеону, который в случае военной опасности должен быть в состоянии слиться со своим окружением вплоть до неразличимости^[4, с.15]. Хамелеоноподобный характер партизана обусловлен, во-первых, его трансгрессивной, пограничной идентичностью (партизан — не солдат и не преступник, и вместе с тем он может стать как солдатом, так и преступником, утратив при этом свой собственный статус иррегулярного бойца), а во-вторых, его тесной связью с окружением. Именно поэтому, на наш взгляд, правомерным является понимание партизана как интегрального, комплексного феномена, гештальта. Партизан —

это не изолированный индивид и не индивид, находящийся в пространстве, которое он может покинуть. Гештальт партизана представляет собой интегральное единство человека и пространства. А потому не вполне обоснованной представляется нам интерпретация гештальта партизана как исключительно антропологического феномена, позволяющего перевести абстрактные политические вопросы или ситуации на антропоморфный язык человеческих фигур^[11, с.126]. Безусловно, концепция партизана Шмитта антропологична. Однако она предполагает особое понимание человека. Партизан в ней мыслится не как одиночка, действующий на свой страх и риск. Его неправомерно отождествлять с конкретным индивидом, вовлеченным в уникальную историческую ситуацию. Партизан — инклюзивный феномен, поскольку он включен в определенную локальность и существует неотрывно от нее.

Пространство партизана не предназначено для регулярных военных действий, это замкнутая, неровная, испещренная многочисленными и многообразными естественными преградами территория. Еще одним свойством пространства партизана является закрытость, «непросвечиваемость». Он не просто пребывает в пространстве «не-публичности» (К. Шмитт), он лишен и надежно защищенного частного пространства, его дом не является оплотом безопасности, четко отграниченной территорией, свободной от военных действий противника. Отсутствие строго разграниченных частной и публичной пространственных сфер позволяет нам характеризовать пространство партизана как пограничье, отличающееся повышенным риском^[12].

Таким образом, партизан предстает как противоречивая фигура: это трансгрессивный феномен, нарушающий нормы и границы, установленные оккупационными властями на захваченных территориях. Для партизана не существует четко установленных норм, строго зафиксированных пределов. Непредсказуемость и иррегулярность партизанских акций приводит к трансформации социального пространства, появлению в его структуре аномийных областей. И здесь обнаруживается парадоксальная ситуация. Сама по себе война является трансгрессивным состоянием, резко нарушающим привычные границы, взрывающим рутинное однообразие повседневного бытия человека. Война предполагает, с одной стороны, трансгрессию социальных норм, с другой стороны — нормализацию аномии. Именно поэтому Ж. Батай именует войну «организованной яростью», организован-

ной трансгрессией^[13, с.551]. Если война и в самом деле — неизбежное зло и *ultima ratio*, то теорию справедливой войны, основы которой были заложены еще Аристотелем, можно рассматривать как попытку сделать ее более прогнозируемой и предсказуемой, минимизировать социальные риски, осуществить нормализацию аномии. Таким образом, внутри аномийной ситуации возникают свои нормы и новые аномии, которые, в свою очередь, снова дробятся, дифференцируются, фрактализируются. Трансгрессия повседневности, которая осуществляется в ситуации войны, предполагает одновременно и установление новых границ и новых регулярностей. Тем самым институционализируются и получают обоснование латентные процессы непрерывных конфликтов, имманентных социальным структурам. Иррегулярность и регулярность, нарушение и установление границ не являются простым чередованием или повторением фаз общественного развития. Эти феномены могут быть осмыслены как взаимопредполагающие моменты бытия общества.

Феномен партизана — фигура перехода, трансгрессии, существующая в постоянном поле притяжения между регулярным комбатантом и террористом, но полностью не сливающаяся ни с одним из этих полюсов. В семантическом плане категория партизана представляет собой подвижный, плавающий элемент смыслового поля, получающий свой смысл в соотношении с другими его элементами. Так, можно характеризовать партизана не только путем его сопоставления с солдатом и террористом, но и сравнивать с бюргером и рабочим, и исследование каждой из данных семантических пар позволит выстроить более определенную дефиницию гештальта партизана. Во всех этих случаях партизан определяется через свое *иное*, через то, чем он не является. По утверждению Г. Мюнклера, не регулярный боец, а именно бюргер является подлинным антиподом партизана: «в то время как солдат побеждает партизана, убивает его или уподобляется ему, бюргер стремится патологизировать и криминализировать его. Принимая присущую ему потребность в безопасности и свой социальный расчет за нормальность, он (бюргер — Н.Б.) пытается отграничить, запретить, излечить потенциально-го партизана. Излеченным, ресоциализованным и реабилитированным он будет считаться только тогда, когда уподобится бюргеру»^[14, с.74]. Другая семантическая оппозиция, «партизан» — «террорист», может быть выстроена исходя из пространственных характеристик обоих феноменов,

по оси «город» — «деревня»: если террористы избирали для своих деструктивных акций преимущественно городские пространства, то традиционным местом локализации партизан можно признать сельские регионы: «Деревня была и остается пространством партизана» [15, с.105].

Проблематичность однозначной дефиниции партизана обусловлена, кроме того, ее зависимостью от определенного политического дискурса, в смысловом поле которого конституируется идентичность партизана. Для оккупационных властей это *hostis injustus*, нелегитимный враг, преступник, не вписывающийся в диспозитив дисциплины, который функционирует на захваченных территориях, а потому партизан находится вне закона и не может быть уравнен в статусе с легитимными вооруженными силами противника. Для коренного населения партизан — защитник, воин, хранитель родной земли, носитель исторических традиций, смыслов и ценностей. Важнейшее значение, которое придается *номинации* (а, следовательно, интерпретации и оценке) одного и того же феномена, можно проследить на примере его обозначения в различных политических дискурсах. Так, Чеченский конфликт именовался в германской прессе «партизанской войной» («*Guerillakrieg*», «*Partisanenkrieg*»), а борцы за независимость Чеченской республики получили обозначение «партизаны» [16], тогда как российские СМИ использовали термины «боевики» и «сепаратисты». Данный пример показывает, что феномен партизана может являться конструктом, обретающим свой смысл и свою определенность в рамках того или иного политического дискурса. Вербализация гештальта партизана здесь означает его политическую легитимацию.

В современном обществе феномен партизана приобретает новые измерения и новые грани рефлексии в связи с процессами глобализации, размыванием границ между состояниями войны и мира, регулярными и иррегулярными вооруженными формированиями, несостоятельностью классического международного права в условиях современных военных конфликтов. Еще И. Кант в работе «К вечному миру» обосновывал необходимость отказа государств от использования постоянных армий, выдвигая следующие аргументы. Во-первых, стремление государств к усилению собственной военной мощи, которое выражается в количественном росте вооруженных сил, «не знает никакого предела» [17, с.207]. Во-вторых, участие в постоянных вооруженных формированиях не является добровольным, что превращает лю-

дей в орудия, используемые государством в своих интересах.

Кант выступает здесь против принципа накопительства, характерного для буржуазного общества, и не только в военной, но и в экономической сфере, ибо безудержное накопление богатств, осуществляемое одним государством, может быть расценено другими как военная угроза и послужить одной из причин развязывания войны. Непродолжительная война, согласно немецкому классику, оказывается меньшим злом по сравнению с опустошительными военными действиями, в которых задействованы многочисленные человеческие и денежные ресурсы. Тем самым, вскрывая несостоятельность принципа накопительства, Кант предвосхищает идеи Ж. Батая, согласно которому война есть закономерный итог безостановочного роста богатств, исчерпавшего свои пределы. Отнюдь не случайно совпадение двух кровопролитнейших мировых войн с периодом достижения наивысшего в истории человечества уровня благосостояния [13, с.128].

Буржуазное общество, основанное на принципе накопительства и безудержного роста богатств, стремится элиминировать трансгрессию и риск из социальной жизни: трансгрессия, основанная на принципе траты, противоречит базовым установкам капитализма. «Отсрочка» трансгрессии означает и «отсрочку» войны. Однако стремление устранить проявления трансгрессии из социальной жизни не только не представляется возможным, но приводит к разрушениям катастрофического характера, свидетельством чего является тотальный характер современных войн. Установка на минимизацию и элиминацию рискогенных элементов чревата появлением новых, еще более опасных социальных рисков, последствия которых носят деструктивный характер. Накопление не может приводить к безостановочному поступательному росту, рано или поздно оно должно завершиться растратой. Так, Р. Кайуа справедливо называет современную войну «расплатой за цивилизацию» [18, с.290].

Противником несанкционированной трансгрессии традиционно выступало государство. Достаточно вспомнить знаменитую теорию общественного договора Т. Гоббса, в соответствии с которой силой, останавливающей войну всех против всех (трансгрессивное состояние общества, «промежуток времени, в течение которого явно сказывается воля к борьбе путем сражения» [19, с.87]) становится именно государство. Функцию подавления насилия приписывает государству и Ф. Ниц-

ше, именуя его «умным учреждением для защиты индивидов друг от друга»^[20, с.180]. Но исключение насилия и риска, «необузданного и насильственного» характера жизни из нее самой, к которому стремятся апологеты идеального государства, согласно мысли немецкого философа, не только не послужит средством достижения всеобщего благоденствия, но, напротив, приведет к вырождению жизни и интеллектуальной деградации человечества. Только сохранив место для трансгрессии, риска в лоне государственной жизни можно, по мысли Ницше, подготовить почву для развития интеллекта и личностного совершенствования: «Так не стоит ли желать, чтобы жизнь сохранила свой насильственный характер и чтобы постоянно все снова нарождались необузданные силы и энергии?»^[20, с.179].

Однако государство как политический институт заинтересовано отнюдь не в прекращении любого насилия, любых войн. Война, санкционированная государством, — это война организованная, исключительное право на убийство в которой принадлежит представителям государственной власти. С заключением общественного договора монополия на социальное насилие стала достоянием государства. Солдат, принимающий участие в военных операциях, действует не от своего имени, но от имени государства, являясь для противоположающейся стороны «законным врагом». Партизан, в отличие от солдата, не является законным представителем государственной власти, что придает его действиям характер свободного волевого решения. Партизанские акции не укладываются в систему организованной трансгрессии, а потому отличаются особенной непредсказуемостью и рискогенностью для оккупационных властей.

Именно поэтому партизан — враг «незаконный», нелегитимный. Как показывает Э. Юнгер, анализирующий способы сопротивления современной диктатуре, автоматизированным и механизированным социальным порядкам, преступник является более предпочтительным и «удобным» врагом для власти, нежели партизан: «они (властители — Н.Б.) в своей иерархии ставят обычного преступника выше того, кто противостоит их намерениям»^[3]. Легализованный враг — это враг, включенный в определенные правила дискурса власти. Партизан представляет собой антидискурсивный элемент социального пространства, элемент сопротивления доминирующему дискурсу власти, а потому он представляет наибольшую угрозу унифицирующим механизмам осуществления власти. Вместе с тем гештальт партизана, вовлеченный в оппозицию друга и врага, которая и составляет для Шмитта критерий политического^[21], является элементом не деструктивным, но охранительным, призванным сохранить очаги автохтонности перед лицом угрозы глобализации и гомогенизации общества.

В современную эпоху, в ситуации, когда стираются четкие границы войны и мира, в военных конфликтах задействованы многочисленные негосударственные транснациональные вооруженные формирования, теория партизана К. Шмитта не утрачивает своей актуальности. Сегодня вновь возникает необходимость политико-философского осмысления и международно-правового определения феномена партизана, демаркации партизана и солдата, партизана и террориста. В этих условиях обнаруживается обширный эвристический потенциал трансгрессивной фигуры партизана, которая может использоваться в качестве одного из концептуальных средств описания глобальных конфликтов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Шмитт К. Теория партизана. — М.: Праксис, 2007. — 301 с.
2. Schroers, R. Der Partisan. Ein Beitrag zur politischen Anthropologie. Köln, Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 1961. — 344 S.
3. Юнгер Э. Уход в лес. URL: <http://www.fatuma.net/text/yunger-uhod-v-les.pdf> (дата обращения: 1.06.2015).
4. Münkler, H. Der Partisan: Theorie, Strategie, Gestalt. — Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. — 391 S.
5. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. — СПб.: Наука, 2000. — 539 с.
6. Слотердайт П., Хайнрикс Г. — Ю. Солнце и смерть: Диалогические исследования. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. — 608 с.
7. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. — СПб.: Владимир Даль, 2008. — 670 с.
8. Балаклеец Н. А. Тело и власть в концепции органопроекции Э. Каппа // Вестник Ульяновского государственного технического университета. — 2015. — № 1 (69). — С. 20–24.
9. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. — М.: Мысль, 1977. — 472 с.
10. Зомбарт В. Собрание сочинений в 3 т. Т. 2. — СПб.: Владимир Даль, 2005. — 654 с.

11. Horn E. «Waldganger», Traitor, Partisan: Figures of Political Irregularity in West German Postwar Thought // CR: The New Centennial Review. Volume 4, Number 3, Winter 2004, pp. 125–143.
12. Балаклеец Н. А. Топология риска: российский социокультурный контекст // Этносоциум и межнациональная культура. — 2009. — 4 (20). — С. 136–140.
13. Багай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. — М.: Ладомир, 2006. — 742 с.
14. Schölzer, H. Guerillakommunikation: Genealogie einer politischen Konfliktform. — Bielefeld: transcript Verlag, 2013. — 372 S.
15. Münkler, H. Die Strategie des Terrorismus und die Abwehrmöglichkeiten des demokratischen Rechtsstaats URL: http://edoc.bbaw.de/volltexte/2009/1214/pdf/II_01_Muenkler.pdf (дата обращения: 1.06.2015).
16. Mrozek G. Militärkolonne geriet in einen Hinterhalt tschetschenischer Kämpfer / Tschetschenen verkünden Beginn des Guerillakrieges // Berliner Zeitung, 04.03.2000.
17. Кант И. К вечному миру // Трактаты о вечном мире. — СПб.: Алетея, 2003. — С. 205–241.
18. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. — 296 с.
19. Гоббс Т. Левиафан. — М.: Мысль, 2001. — 478 с.
20. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 2: Человеческое, слишком человеческое. — М.: Культурная революция, 2011. — 672 с.
21. Шмитт К. Понятие политического URL: http://kyrychok.inf.ua/files/Resources/Smitt_Politics.pdf (дата обращения: 1.06.2015).
22. Р. Н. Пархоменко Дихотомия политического К. Шмитта // Психология и Психотехника. — 2013. — 4. — С. 380–389. DOI: 10.7256/2070–8955.2013.04.9.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Shmitt K. Teoriya partizana. — М.: Praxis, 2007. — 301 s.
2. Schroers, R. Der Partisan. Ein Beitrag zur politischen Anthropologie. Köln, Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 1961. — 344 S.
3. Yunger E. Ukhod v les. URL: <http://www.fatuma.net/text/yunger-uhod-v-les.pdf> (data obrashcheniya: 1.06.2015).
4. Münkler, H. Der Partisan: Theorie, Strategie, Gestalt. — Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. — 391 S.
5. Yunger E. Rabochii. Gospodstvo i geshtal't; Total'naya mobilizatsiya; O boli. — SPb.: Nauka, 2000. — 539 s.
6. Sloterdijk P., Khainriks G. — Yu. Solntse i smert': Dialogicheskie issledovaniya. — SPb.: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2015. — 608 s.
7. Shmitt K. Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum. — SPb.: Vladimir Dal', 2008. — 670 s.
8. Balakleets N. A. Telo i vlast' v kontseptsii organoproektsii E. Kappa // Vestnik Ul'yantovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. — 2015. — № 1 (69). — S. 20–24.
9. Gegel' G.V.F. Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 3. Filosofiya dukha. — М.: Mysl', 1977. — 472 s.
10. Zombart V. Sbranie sochinenii v 3 t. T. 2. — SPb.: Vladimir Dal', 2005. — 654 s.
11. Horn E. 'Waldganger', Traitor, Partisan: Figures of Political Irregularity in West German Postwar Thought // CR: The New Centennial Review. Volume 4, Number 3, Winter 2004, pp. 125–143.
12. Balakleets N. A. Topologiya riska: rossiiskii sotsiokul'turnyi kontekst // Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura. — 2009. — 4 (20). — S. 136–140.
13. Batai Zh. 'Próklyataya chast': Sakral'naya sotsiologiya. — М.: Ladomir, 2006. — 742 s.
14. Schölzer, H. Guerillakommunikation: Genealogie einer politischen Konfliktform. — Bielefeld: transcript Verlag, 2013. — 372 S.
15. Münkler, H. Die Strategie des Terrorismus und die Abwehrmöglichkeiten des demokratischen Rechtsstaats URL: http://edoc.bbaw.de/volltexte/2009/1214/pdf/II_01_Muenkler.pdf (data obrashcheniya: 1.06.2015).
16. Mrozek G. Militärkolonne geriet in einen Hinterhalt tschetschenischer Kämpfer / Tschetschenen verkünden Beginn des Guerillakrieges // Berliner Zeitung, 04.03.2000.
17. Kant I. K vechnomu miru // Traktaty o vechnom mire. — SPb.: Aleteiya, 2003. — S. 205–241.
18. Kaiua R. Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe. М.: OGI, 2003. — 296 s.
19. Gobbs T. Leviatan. — М.: Mysl', 2001. — 478 s.
20. Nitsshe F. Polnoe sbranie sochinenii: V 13 tomakh. T. 2: Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe. — М.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2011. — 672 s.

21. Shmitt K. Ponyatie politicheskogo URL: http://kyrychok.inf.ua/files/Resources/Smitt_Politics.pdf (data obrashcheniya: 1.06.2015).
22. R. N. Parkhomenko Dikhotomiya politicheskogo K. Shmitta // Psikhologiya i Psikhotekhnika. — 2013. — 4. — С. 380–389. DOI: 10.7256/2070–8955.2013.04.9.